

К русскому читателю, наконец, возвращаются имена и произведения замечательных поэтов, связавших свою судьбу с Белой армией. Только теперь мы можем сказать, что та, прежняя, Гражданская война закончилась. И если в русской литературе уже давно восстановлены погубленные большевиками Н.Клюев, С.Клычков, П.Васильев, то отчего же так надолго забыли про не менее значимых для нас выразителей русской души, не менее талантливых певцов России? Да, они были белогвардейцами и воевали против новой власти за иначе понимаемую свободу. И очень долгие годы их называли врагами. Но в их груди билось русское сердце, искренне любящее Родину, и в их венах текла родная русская кровь, помнящая подвиги наших великих предков. Их поэтическое слово должно быть также дорого русской литературе, тем более что художественные образы, созданные в своё время этими великолепными поэтами, для нас, нынешних читателей, – это совершенно новое, неожиданное, а для кого-то потрясающее **открытие**.

Наш долг восстановить справедливость и вернуть к духовной жизни замечательных русских поэтов – Арсения Несмелова, Николая Туроверова, Сергея Бехтеева, Ивана Савина, Марианну Колосову и других, исторгнутых из российской словесности на волне классовой вражды. Пора заговорить о них в полный голос. В противном случае Серебряный век русской поэзии теряет свою цельность.

Весь двадцатый век корыстно замалчивались великолепные поэты Белого движения. И всё же они пробились к нам своими изумительными произведениями сквозь железобетонные заслоны космополитической пропаганды. Пришло их время в России, как когда-то (всего-то лет тридцать назад) пришло время Н.Гумилева, М.Булгакова, А.Платонова, М.Цветаевой, Е.Замятина... Правильно сказано: рукописи не горят. В пожаре Гражданской войны не сгорели, сохранились для нас их стихи, как бы ни хотелось кому-то другого.

В 2007 году я посмотрел новую и старую экранизации романа Шолохова «Тихий Дон» и поймал себя на мысли, что нет у меня сочувствия к красным командирам Кошевому и Штокману. Более того, к этой мысли привёл меня сам Шолохов. Читая роман и смотря фильм, невольно чувствуешь, что писатель сердцем своим остаётся на стороне восставших донских казаков в ответ на террор большевистской власти. Конечно, «Тихий Дон» – это произведение советского художника, но трагедия разгрома белоказачества показана им с такой болью, с такой пронзительной остротой и с такой жалостью к своим землякам, что нормальный русский человек просто не может не испытывать этого сочувствия к ним.

Разглядел это в том числе и Фадеев – руководитель советских писателей. Он выступил против издания третьей книги романа Шолохова, настолько правдиво в ней показана страшная участь гибнущего донского казачества. И мы знаем, кто сказал: «Эту книгу издавать будем».

Одним из участников той донской трагедии был Николай Туроверов, входивший в атаманский отряд есаула Чернецова артиллерийской команды Донского корпуса. Наверное, более никто так, как он, не запечатлел поэтически донскую эпопею этого жуткого противостояния одного народа, расколотого на враждебные части. Стихотворная исповедь Николая Туроверова – это донская трагедия, художественно изображенная с другой, противостоящей стороны, до того ярко и волнующе отражены в ней чувства и чаяния тех русских, которые многие десятилетия считались врагами. Однако перед Отчизной и перед Богом они ведь, на самом деле, врагами не были. Но кто с нашей, с красной стороны, сразу после Гражданской войны смог это понять – так, как понял это и сказал об этом Н. Туроверов в стихотворении «Товарищ», в какой-то степени пророческом, обращённом не только к своему прямому противнику, но и к нам, ныне живущим?

Перегорит костёр и перетлеет –
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.
... Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за Отчизну умереть?

Родился Николай Николаевич Туроверов 18 марта (по ст. стилю) 1899 года в станице Старочеркасской. Мать и отец происходили из старинных казачьих фамилий Области Войска Донского (во времена расказачивания и раскулачивания они сгнули в лагерях). После окончания Каменского реального училища он поступил добровольцем в лейб-гвардии Атаманский полк и ушёл на фронт Первой мировой войны. Затем – ускоренный выпуск Новочеркасского военного училища и снова отправка на фронт в чине хорунжего. Был награжден орденами Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира. После Октября вернулся на Дон.

С Белой армией Н. Туроверов прошел всю Гражданскую войну. Был четырежды ранен, участвовал в знаменитом Ледяном походе (изначально называвшимся Кубанским степным), ставшим для него ещё одним тяжелейшим испытанием:

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задонье, курится
Седая февральская мгла.
Встаёт за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее – Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,

Твоей азиатской метели,
Степной – за Россию – поход.

1-й Кубанский степной или Корниловский поход, названный впоследствии Ледяным, начался 9 (22) февраля 1918 года, когда под напором наступавших красных частей Добровольческая армия вынуждена была оставить Ростов и двинуться на Екатеринодар в надежде на поддержку кубанского казачества. Вместе с плохо вооружённой армией генерала Л.Г. Корнилова, насчитывавшей около четырех тысяч человек и состоявшей в основном из молодых офицеров, ушёл обоз с женщинами, стариками и ранеными. Оставляя Ростов, генерал Алексеев писал в письме родным: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божья. Но нужно зажечь свеч, чтобы была хотя одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»

Весь поход двигались степью, по снегу и грязи, в метель и дождь, пробиваясь вперёд с непрерывными боями. Однажды добровольческие части после дождя, града и внезапно ударившего мороза покрылись коркой льда, отчего поход этот и стал называться Ледяным.

28 марта (10 апреля) корниловцы осадили Екатеринодар и начали его штурм. Но силы оказались неравными. Красноармейцы серьёзно подготовились к защите города, обрушив на осаждавших шквал артиллерийского огня. Во время одной из этих атак, на пятый день ожесточённых боев, прямым попаданием снаряда был убит генерал Л.Г. Корнилов. Командование Добровольческой армией взял на себя генерал А.И. Деникин. С новыми боями, прорвав окружение «красных», 30 апреля (13 мая) его армия вернулась на Дон. За 80 дней похода (более половины из которых – с боями) было пройдено более тысячи вёрст. Убитыми было потеряно около 400 человек и около 1500 человек было вывезено раненых. И всё же Ледяной поход оказался не напрасным. Под Екатеринодаром произошло соединение армии генерала Корнилова с Кубанской Добровольческой армией. Благодаря этому в августе 1918 года в результате 2-го Кубанского похода под командованием генерала Деникина Екатеринодар был взят Добровольческой армией. В память о легендарном 1-м Кубанском походе был учреждён особый Наградной знак – Меч в терновом венце, ставший символом всего Белого движения. Удостоен был этой награды и Николай Туроверов.

В 1919 году, получив чин подьесаула, Н.Туроверов стал командиром пулемётной команды Атаманского полка. В 1920 году во время великого исхода на одном из последних пароходов врангелевской эвакуации вместе с женой, красавицей-казачкой, он покинул Россию. Его стихотворение «Крым», посвященное тем трагическим дням, потом будут цитировать и в эмиграции, и в Советской России, даже не зная, кому оно принадлежит:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Остальную часть жизни Н.Туроверов провёл в эмиграции: первое время – на контролирувавшемся французами греческом острове Лемнос, потом была Сербия, где у него родилась дочь, и, наконец – переезд в Париж, где он окончательно обосновался и в 1928 году издал первую книгу стихотворений и поэм «Путь». По поводу неё литературный критик А. Краснощёкин писал в парижском «Казачьем журнале» (1929. №6), особо выделяя поэму «Новочеркасск»: «...читал эти

двадцать глав его поэмы и думал: какая поразительная эпоха прошла на наших глазах и какая радость, что свидетелем этой эпохи был Туроверов. Хотелось бы пожелать одного, чтобы нашёлся подлинно казачий, какой-то яркий художник-живописец и дал бы иллюстрации к этой поэме, а издатель не пожалел бы денег на соответствующее издание». В 1937 году вышла вторая книга Туроверова «Стихи». В дальнейшем его поэтические книги под этим же названием выходили в 1939-м, 1942-м и 1965 годах.

Во время Второй мировой войны в составе 1-го кавалерийского полка французского Иностранного легиона Н.Туроверов сражался с немцами в Африке, о чём он потом поведал в поэме «Легион». Затем вновь вернулся в Париж, с которым связал всю свою дальнейшую жизнь, развернув активнейшую деятельность, направленную на сохранение в эмиграции русской культуры, военного искусства и истории казачества. В Париже он организовал объединение казаков-литераторов, возглавил Казачий Союз, воссоздал музей своего родного лейб-гвардии Атаманского полка, был главным хранителем уникальной библиотеки генерала Дмитрия Ознобишина, издавал «Казачий альманах» и журнал «Родимый край», собирал русские военные реликвии, устраивал выставки на военно-исторические темы: «1812 год», «Казачьи», «Суворов», «Лермонтов». По просьбе французского исторического общества «Академия Наполеона» редактировал ежемесячный сборник, посвящённый Наполеону и казакам. Кроме этого, после войны вышли в свет ещё три книги его стихов.

Скончался Н.Н. Туроверов 23 сентября 1972 года. Был похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа рядом с могилами однополчан Атаманского полка¹.

В СССР его стихи тайно переписывались от руки, о нём ходили легенды в казачьих станицах и хуторах. Только он из казачьих поэтов его времени с такой силой и пронзительностью выразил боль изгнания соотечественников и тоску порушенной казачьей жизни. Донская Голгофа до конца дней стояла перед его глазами, и большей частью именно ей он посвятил свое поэтическое творчество. Покидая родимый край, он понимал, что при жизни вернуться назад ему уже не суждено:

Помню горечь солёного ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, –
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,
Напряглась и такую осталась
Тетива наших дум навсегда.
Чёрной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.

Но не только в казачьих кругах русского зарубежья, – повсюду, где жили изгнанники из России, любовь к поэзии Туроверова была необыкновенна. На творческих вечерах, когда он читал стихи, люди в зале слушали его, затаив дыхание и не пряча своих слёз. Ему удавалось в скупых неброских образах отразить всю глубину чувств, владевших сердцами русских людей, оказавшихся на чужой земле:

И слёз невольно сердце просит,
И я рыдать во сне готов,
Когда услышу в спелом просе
Вечерний крик перепелов...

Другой поэт русского Парижа Владимир Смоленский вспоминал об этом: «...совершенно незнакомые люди, видевшие впервые Туроверова, шли к нему, жали руку, со слезами на глазах целовали его. Крепкая любовь казака к своему родному краю, так легко совмещавшаяся со служением России, не всегда и не всем, неказачьям, понятная, казалось, была понята всеми, заразила своей силой, объединила всех».

¹ Летом 2007 года гроб с прахом Н.Туроверова был перевезен на родину – в станицу Старочеркаскую.

Казачий быт, степь, станичная вольница, родной курень, храп коней, «казачий престол Покрова», Дикое поле, казачья любовь, казачья песня и, конечно, война – жуткая, братоубийственная, Сиваш, Перекоп, Крым, Бахчисарай, «блеск холодной стали», русская кровь... – всё это с природной страстью и высоким мастерством отражено в стихах донского поэта. В слове его чувствуется энергия и упругость всадника, слившегося с полётом коня.

Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль.
Но твёрдым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша.
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шёл в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак.

Ни с чем не сравнимая трагедия Гражданской войны и до конца ещё нами не осознанная катастрофа Белого дела явились причиной всех тех несчастий, которые переживает Россия теперь. Невосполнимые потери русского народа в начале XX века – в первую очередь, качественно невозполнимые – аукнулись нам по самому высшему счету. Нет, не случайно мы стали свидетелями моральной деградации нашего населения и крайнего дефицита высокопатриотических личностей в армейской «элите», способных на подвиг или на жертву во имя спасения Родины, не говоря уже о многочисленных партийных лидерах. И лидеры обмельчали, и «элита» выродилась. Не для того ли весь прошлый век сталкивали враги России самых сильных, самых смелых, самых мужественных русских между собой, чтобы пришли мы к нынешнему итогу?

Изгнанные на чужбину белогвардейские офицеры (а оставшиеся были физически уничтожены), несмотря ни на что, в большинстве своём не озлобились и до последних своих дней сохранили в душе любовь к России и сыновнюю верность великой Родине, которая уже имела другое имя. Наиболее ярко это выразил поэт Войска Донского:

Всё иссякнет – и нежность, и злоба,
Всё забудем, что помнить должны,
И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

По Высшей воле наша страна вернула себе прежнее имя. В наших силах вернуть России забытые имена певцов её судьбы и выразителей её духовного величия.

До чего же понятна и близка по духу поэзия Белого движения нынешнему времени! К 1917 году народ России по Конституции уже был уравнен в правах, а деление людей на «непримиримые классы» было навязано, искусственно внедрено в сознание обывателей социал-демократической пропагандой того времени. И обильно проплаченные враги русских, воспользовавшись войной, которую вела страна, и предательством масонского Временного правительства (как тут не провести аналогию с «перестроечным» временем?) путём обмана рабочих и солдат сумели перехватить власть в «отпавшей» столице.

Моральное состояние лучших людей России после Октябрьского переворота легко себе представить, вспомнив наши душевные переживания в августе 1991-го и в октябре 1993 годов. С той лишь разницей, что они, патриоты начала XX века, с оружием в руках поднялись на борьбу с безбожным, безжалостным, русофобским врагом. Ими так же, как и нами, была потеряна великая тысячелетняя Родина. И разве не те же мысли и чувства, выраженные при обороне Кремля 90 лет назад белым офицером Арсением Несмеловым, владели нами, когда на глазах у всего мира и, главное, на глазах всей сидящей у телевизора России расстреливали защитников Дома Советов?

...Отважной горсти юнкеров
Ты не помог, огромный город,
Из запертых своих домов,
Из-за окон в тяжёлых шторах.
Ты лишь исхода ждал борьбы
И каменел в поту от страха.
И вырвала из рук судьбы
Победу красная папаха.
Всего мгновение, момент
Упущен был – упал со стоном.
И тащится интеллигент
К совдепу с просьбой и поклоном...

Так исторически сложилось, что лучшие (во всех смыслах) люди России большей частью находились тогда среди военных, тем более во время Германской войны. И потому в рядах русских боевых офицеров были Николай Гумилев и Арсений Несмелов. «Золотое сердце России // Мерно бьётся в груди моей», – сказал первый из них, и был расстрелян в 1921 году. «Тебя добудем мы в бою, // Первопрестольная столица!» – выкрикнул второй и вынужден был через всю Сибирь с боями и армией Каппеля отойти к Владивостоку. А смертный приговор, вынесенный ему в 1924 году, был приведён в исполнение с опозданием на 21 год. Но поэзия Н.Гумилева давно уже вернулась к русскому читателю и обрела свое место на литературном Олимпе. В то время как стихов Арсения Несмелова до сих пор у нас почти никто не знает, а имя это так и остаётся малоизвестным – потому что он до конца Гражданской войны противостоял врагам исторической России. Ну, как же, разве можно было допустить к российскому читателю такие строки?

...В этот день страна себя ломала,
Не взглянув на то, что впереди,
В этот день царица прижимала
Руки к холодеющей груди.
В этот день в посольствах шифровали
Первой сводки беглые кроки.
В этот день отменно ликовали
Явные и тайные враги.
В этот день... Довольно, Бога ради!
Знаем, знаем, – надломилась ось:
В этот день в отпавшем Петрограде
Мощного героя не нашлось.
Этот день возник, кроваво вспенен,
Этим днём начался русский гон —
В этот день садился где-то Ленин
В свой запломбированный вагон...

Арсений Иванович Несмелов (Митропольский) родился 8 июня (по ст. стилю) 1889 года в Москве в дворянской семье, прошёл обучение во Втором Московском и Нижегородском Аракчеевском кадетских корпусах. Первый его сборник стихов и прозы «Военные странички» вышел в 1915 году.

В звании поручика А.Несмелов участвовал в боях Первой мировой войны. Получил ранение. За исключительное бесстрашие был награждён четырьмя орденами.

Осенью 1917 года он принимал участие в московском антибольшевистском восстании юнкеров, жестоко подавленном, которое позже описал в поэме «Восстание». Затем воевал в рядах Белой гвардии – в войсках адмирала Колчака и генерала Каппеля. Участвовал в Сибирском Ледяном походе – одном из наиболее трагических и суровых испытаний Гражданской войны (до сих пор малоизвестных большинству наших современников).

В документах Белой гвардии этот поход назван Великим Сибирским (Ледяным) походом. Возглавил его главнокомандующий Восточным фронтом генерал-лейтенант В.О. Каппель, который в ноябре 1919 года, оставив Омск, двинул 30-тысячную пехо-конную армию на Иркутск – на освобождение предательски арестованного чехословацким корпусом Верховного Правителя России адмирала

А.В. Колчака и выданного большевикам. Продвигались с постоянными боями от города к городу: Омск – Ново-Николаевск (Новосибирск) – Барнаул – Красноярск... Однако освободить адмирала не удалось, не успели, он был расстрелян большевиками по прямому приказу Ленина. Тогда каппеллевы двумя колоннами обогнули Иркутск и вышли к Байкалу. В феврале 1920 года армия генерала Каппеля перешла Байкал по льду и вышла к станции Мысовая, где их ждали войска атамана Семёнова и санитарные поезда. Это была самая тяжёлая часть пути Великого Сибирского (Ледяного) похода. Что такое зима в Сибири – никому объяснять не надо. На станции Мысовая раненые и больные каппеллевы были погружены в эшелоны, а остальные продолжили этот беспримерный поход до Читы. Всего было преодолено более тысячи километров¹. По его окончании был учреждён Знак отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход», который ставился в один ряд с орденом Святого Георгия.

Находясь в Приморье, в Дальневосточной республике (ДВР), А.Несмелов всецело посвятил себя литературному творчеству. Во Владивостоке им были изданы сборники стихотворений «Стихи» (1921) и «Уступы» (1924), а также поэма «Тихвин» (1922). Здесь он взял себе псевдонимом фамилию погибшего в бою товарища (Несмелов).

После установления советской власти на Дальнем Востоке А.Несмелов почти два года продолжал оставаться во Владивостоке под надзором ОГПУ без права выезда. Но в 1924 году, заблаговременно узнав о готовившихся новой властью расправах над бывшими белогвардейцами, покинул Родину и через глухую тайгу, через советско-китайскую границу и гаоляновые джунгли сумел добраться до Харбина – главного дальневосточного центра русской эмиграции.

В Харбине поэтический талант Несмелова раскрылся во всей своей силе. По признанию эмигрантских литературных кругов, А.Несмелов стал одним из лучших русских дальневосточных поэтов. Особую популярность имела его крайне необычная и оттого захватывающая «Баллада о даурском бароне», которая переписывалась и передавалась из рук в руки, как когда-то лермонтовское «На смерть поэта». И хотя в ней с холодной отстраненностью описаны бередящие душу зверства полусумасшедшего барона Унгерна, всё же художественное своеобразие и поэтически мастерская форма этой баллады заставляют любого читателя запомнить её навсегда.

...Я слышал:
В монгольских унылых улусах,
Ребенка качая при дымном огне,
Раскосая женщина в кольцах и бусах
Поёт о бароне на чёрном коне...
И будто бы в дни,
Когда в яростной злобе
Шевелится буря в горячем песке, —
Огромный,
Он мчит над пустынею Гоби,
И ворон сидит у него на плече.

Стихи Несмелова публиковались не только в изданиях русской эмиграции в Китае, но и в Европе, и даже (в 1927—1929 годах) в советском журнале «Сибирские огни». В Китае вышли его поэтические книги «Кровавый отблеск» (Харбин, 1929), «Без России» (Харбин, 1931), «Через океан» (Шанхай, 1934), «Только такие!» (Харбин, 1936), «Полустанок» (Харбин, 1938), «Белая Флотилия» (Харбин, 1942), а также сборник новелл «Рассказы о войне» (Шанхай, 1936). В Берне отдельным изданием увидела свет его поэма «Георгий Семена» (1936). Творчество Арсения Несмелова высоко оценивали Борис Пастернак, Марина Цветаева, Николай Асеев, Леонид Мартынов и другие советские поэты.

Однако вынесенный большевистским режимом приговор все же настиг поэта. После вступления советских войск в Харбин в августе 1945 г. Несмелов был арестован и переправлен в Советский Союз. Жизнь его оборвалась в том же году в тюремной камере НКВД.

Если нынешнее русское сопротивление заключено в основном в печатном слове, в песне, в митинге, то сопротивление большевистской диктатуре требовало борьбы подлинной, героической, со-

¹ Генерал В.О. Каппель во время похода обморозил ноги и умер от воспаления легких.

пряженной с личной гибелью. Воины из Белого стана, сопротивляясь насилию, сознательно шли на смерть. И потому их поэты были выразителями подлинного, **героического** патриотизма. В их сердцах жила Родина, великая и прекрасная, их патриотизм был глубоко искренним и национально-волевым.

Пели добровольцы. Пыльные теплушки
Ринулись на запад в стукоте колес.
С бронзовой платформы выглянули пушки.
Натиск и победа! или – под откос.

Трагедия, пережитая ими, была ничуть не меньшей, чем та, какую переживаем ныне мы. И разве не о нашем времени сказаны эти слова? Ведь это к нам, нынешним, сквозь годы забвения обращается героический, пронзительно русский поэт Арсений Несмелов:

Воля к победе.
Воля к жизни.
Чёткое сердце.
Верный глаз.
Только такие нужны Отчизне,
Только таких выкликает час.
Через засеки
И волчьи ямы,
Спешенным строим
Иль на коне.
Прямы, напористы и упрямы –
Только такие нужны стране.

Именно такая, жизнеутверждающая, волевая поэзия даёт мощный толчок современному направлению русского поэтического сопротивления.

Судьба русской литературы беспрецедентно уникальна. Ведь она до сих пор до конца не изучена и даже полностью не познана. Разорванная 1917 годом, она всё еще таит в себе массу потерянных или вычеркнутых из жизни имён, которые придётся кропотливо и долго заново открывать нынешним и будущим её исследователям. Более того, им, будущим исследователям, неизбежно придётся пересматривать многие утвердившиеся ценности и целые пласты российской литературы XX века.

Давайте посмотрим: кто из советских стихотворцев воспел Гражданскую войну как нечто романтическое и необходимое? Ну, разве что интернациональные «граждане мира», многие из которых в реальности не столько воевали на Гражданской, сколько создавали миф о своём участии в ней. Русские же национальные поэты каким-то шестым чувством ощущали сермяжную истину, что воспевать тут особенно нечего, стараясь держаться подальше от этой братоубийственной бойни и любыми путями сторонясь её и в жизни, и в творчестве. Вот когда началась Отечественная война – тогда наши поэты проявили себя во всём блеске. Один только Твардовский чего стоит, не говоря о десятках других. Но для воинов Белой гвардии та Гражданская была на деле Отечественной. Ведь у них отнимали Родину. Потому-то и дала она столько русских витязей, одинаково владевших оружием и поэтическим словом. Среди них был офицер-кавалергард и проникновенный поэт Сергей Бехтеев.

Повторяю ещё раз, потому что это очень важно: сейчас, в наше жестокое и лицемерное время, стихи белогвардейских офицеров читаются и воспринимаются крайне современно. Как будто и не разделяет нас почти целый век со времени их написания. Достаточно прочитать такие строки стихотворения «Русская Голгофа», написанного Сергеем Бехтеевым в 1920 году:

Ликует Антихрист-Иуда,
Довольный успехом побед:
Свершилось вселенское чудо,
И царства христьянского – нет!

Гремит сатана батогами
И в пляске над грудой гробов
Кровавой звездой и рогами
Своих награждает рабов.
И воинство с красной звездой,
Приняв роковую печать,
К кресту пригвождает с хулою
Несчастную Родину-Мать!

Всё повторилось в России с какой-то дьявольской закономерностью, лишь только с большей подлостью и с большим коварством.

Вот уже четверть века русская патриотическая пресса пишет о закабалении России «пятой колонной», превратившейся на деле уже в «шестую колонну» бесчисленных предателей и грабителей нашего национального достояния. И все эти годы мы говорим о безразличии населения к бедам страны, все эти годы мы безуспешно призываем русских к объединению перед личиной всемирного, циничного Хама, нагло попирающего наши традиции и нашу культуру. Современный бесстрашный поэт мог бы слово в слово повторить всё то, что в 1921 году Сергей Бехтеев выплеснул из своего сердца в стихотворении «Мать», которое абсолютно актуально и для нынешних дней:

Во имя безумной идеи «свобод»
В крови задышается русский народ,
Бессильный сорвать свои путы,
Бессильный злодеев из царства изгнать,
Бессильный за правое дело восстать
В години невиданной смуты.
...О, люди! О, братья! Забудем раздор!
Ведь тризна злодеев – наш русский позор,
Глумленье над трупом любимым.
Пора помириться! Довольно молчать!
Ведь это же нашу несчастную Мать
Насилуют в доме родимом!

Теперь, когда атеистический XX век остался у нас за спиной, мы можем спросить самих себя: что было превыше всего для Российской империи как государства в прежние времена? Что являлось гарантом её неколебимой державной стойкости перед любым врагом и любым несчастьем? И ответ может быть только один: Бог и царь. Когда в сердце народа был царь, а в душе – Бог, тогда никакая беда нам была не страшна, и никакой враг не мог нас осилить. Но как только народ наш отрёкся от царя и от Бога, – беды, трагедии и катастрофы обрушились на Россию бесконечным потоком. (Тут необходимо сказать, что отречение царя от власти было невозможно без отречения от него народа. К тому же Николай II не отрекался ни от монархии, ни от Державы, он лишь после отказа от престола брата Михаила передал царство сыну Алексею. Но масонское окружение воспрепятствовало сохранению монархии.)

Без Бога и без царя нет правды, нет высшей Истины и нет справедливости на земле. Поэт и беззаветный патриот Сергей Бехтеев настолько остро чувствовал и понимал это, что, начиная с 1917 года, уже ни о чём другом не мог говорить в своих стихах. Его лира, точно вечевой колокол, изо всех сил пыталась пробудить оглохший в распрях и заблудший народ, заставить очнуться Россию и осознать свое гибельное сиротство. Его так и называли при жизни – «Царский звонарь». Но зов этой набатной лиры уже почти никто не слышал в народной среде:

Гулко несётся заутренний звон,
Будит упрямо заспавшихся он,
Но, погружённый в тревоги забот,
Спит непробудно пленённый народ.
Спит наша Русь, отгоняя сквозь сон
В двери стучащийся радостный звон,
Вновь неспособная сердцем принять
Мира и веры былой благодать.

Но даже сквозь кровь и муки Гражданской войны и сквозь тягостные годы эмиграции Сергей Бехтеев пронёс веру в воскрешение богоносного народа и Российской империи, веру в неизбежное признание нашей Родины святости царя. Да, удивляет, но не поражает дар предвидения поэта, поскольку подлинный поэт никогда не сомневается в том, что свет Истины и дух справедливости рано или поздно, хоть через века, но побеждают любое зло и всякую ложь. Он знал – русский Царь воскреснет и вместе со своей замученной семьёй обретёт святость. Всё случилось гораздо раньше и в точности с прозрением поэта:

Пройдут века, ночные тени
Разгонит светлая заря,
И мы склонимся на колени
К ногам Державного Царя.
Забудет Русь свои печали,
Кровавых распрей времена;
Но сохранят веков скрижали
Святых Страдальцев Имена.
На месте том, где люди злые
Сжигали Тех, Кто святы нам,
Поднимет главы золотые
Победоносный Божий Храм.
И, Русь с небес благословляя,
Восстанет Образ неземной
Царя-Страдальца Николая
С Его замученной Семейей.

Сергей Сергеевич Бехтеев родился 7 апреля (по ст. стилю) 1879 года в с. Липовка Елецкого уезда Орловской губернии¹ в родовитой дворянской семье, в которой глубоко были заложены основы православного видения мира. Учился и воспитывался в Императорском Александровском (Царско-сельском) лицее, где в своё время учился А.С. Пушкин. Там же он впитал и любовь к поэтическому слову. Три родные сестры С. Бехтеева состояли фрейлинами царского двора, и потому с юности он близко соприкасался с придворной жизнью и её атмосферой. В дальнейшем верность императорской семье и приверженность монархии он сохранит в душе до конца своих дней. По окончании Лицея он поступил на службу в подшефный Её Императорскому Величеству Кавалергардский полк, где получил чин корнета.

Свой первый сборник стихов он издал в 1903 году. Книга эта вышла с посвящением матери Царя Николая II императрице Марии Фёдоровне.

С началом мировой войны С. Бехтеев служит в действующей армии и после ранения попадает в Дворцовый лазарет, где удостоивается посещения государыней Александрой Фёдоровной с великими княжнами. Закончив лечение, вновь отправляется на фронт и снова получает ранение. После пребывания в госпитале едет на родину, где узнаёт, что от него ушла любимая женщина. Горечь измены уже тогда коснулась его стихотворного творчества.

Для продолжения лечения в начале 1917 года он уезжает на Кавказ – в Кисловодск и Пятигорск. Там и застаёт его известие об отречении Николая. В его творчестве происходит резкий перелом – от личной драмы к высокопатриотическому осознанию событий, происходящих в стране. Здесь С. Бехтеев создаёт свой первый цикл гражданской лирики.

В октябре 1917 года поэт возвращается на родину, живёт в Ельце и Орле. Видя хаос беззакония и разгром прежней жизни, он пишет пять стихотворений – «Россия», «Боже, Царя сохрани», «Верноподанным», «Святая ночь» и легендарную «Молитву», ставшую затем широко известной в Советской России. Через графиню А.В. Гендрикову эти стихи удалось передать в Тобольск царской семье, для которой они стали большой моральной поддержкой.

Со стихотворением «Молитва», была связана удивительная мистическая история. Дело в том, что во время расследования комиссией Н.А. Соколова преступления в Екатеринбурге автограф «Молитвы», сделанный рукой великой княжны Ольги, был обнаружен в книге, подаренной ей матерью –

¹ Ныне это Задонский район Липецкой области.

императрицей Александрой Фёдоровной (на книге сохранилась надпись: «В. К. Ольге. 1917. Мама. Тобольск»). По этой причине долгое время авторство «Молитвы» приписывалось царевне Ольге и в советское время «Молитва» даже публиковалась под её именем. Эта история и впрямь выглядела очень правдоподобно: царевны при их кротости перед своей гибелью действительно могли молить Господа о прощении их мучителей.

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжёлый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!

Сознавая свой офицерский долг служить гибнущей Отчизне, Сергей Бехтеев вступает в Добровольческую армию. В ней он воюет с 1918-го по 1920 год.

Свой долг Сергей Бехтеев исполняет до конца, разделив все тяготы и скорби с Белым воинством. В рядах Белой армии поэт отступает в Крым. В ноябре 1920 года он навсегда покидает Россию, со множеством русских изгнанников отплыв из Керчи на пароходе «Самара». Прощаясь с Родиной, он пишет стихотворение «Прости», проникнутое горькой тоской и покаянием:

В глазах раскинулся широко
Простор безбрежного пути,
И шепчем мы с тоской глубокой:
«Отчизна милая, – прости!»

Найдя прибежище в сербской Воеводине неподалеку от г. Нови Сад, С.С. Бехтеев становится активным участником общественной жизни русской диаспоры, пишет статьи, редактирует издававшуюся в Белграде монархическую газету «Русский стяг». Свою гражданскую лирику он объединяет в сборник «Песни русской скорби и слёз», который выходит в свет в Мюнхене в 1923 году. В 1925 году выходит его автобиографический роман «Два письма»; в нём он с болью говорит о причинах поражения Добровольческой армии. Любовная лирика Бехтеева вошла в книгу «Песни сердца», изданную в Белграде в 1927 году. Главный мотив поэзии Бехтеева – это, конечно, трагедия России, измена царю ближнего окружения, предательство интеллигенцией и русским дворянством белой идеи и надежда на воскрешение великой Империи.

В конце 1929 года С.С. Бехтеев переехал во Францию и поселился в Ницце, где и провёл все свои оставшиеся годы. Здесь он тоже вошёл в круг русских единомышленников, так как в Ницце находился один из монархических центров, служит старостой храма во имя Державной иконы Божией Матери. В 1934 году здесь же был издан его сборник стихов «Царский гуслир». В 1949, 1950, 1951

и 1952 гг. вышли в свет четыре его книги, объединённые одним названием «Святая Русь» и ставшие полным собранием стихотворений.

Надо сказать, что идея «За Веру, Царя и Отечество» настолько глубоко проникла в сознание поэта-монархиста Сергея Бехтеева, что никакие другие идеи, захватившие в то время Европу, и никакие другие события, происходившие в мире, уже не волновали его сознание. Даже Вторая мировая война никак не отразилась в его стихах, в которых он продолжал воспевать Россию, запечатлённую его душой до революционной смуты. **Всё творчество Бехтеева – это неустанная, самозабвенная молитва за Святую Русь.**

Довольно насмешек, довольно обид,
Предательской лжи и обмана!
Проснись, всенародный запятанный стыд!
Пусть Божия правда опять озарит
Потёмки земного тумана!

Крамольная сила, рассейся, уйди!
Смирись, окаянное племя!
Надежда проснулась в усталой груди,
И очи мои лицезрят впереди
Грядущее, светлое время.

Безумство уляжется, горе пройдет,
Рассеются скорби и муки,
И вновь возрождённый, счастливый народ,
Увидев желанного Солнца восход,
Протянет к Нему свои руки.

Тогда, о, тогда мне не жаль умереть.
Жила бы лишь правда в народе.
На песни мои вам оков не надеть.
Я буду и мёртвый восторженно петь
О Боге, Царе и свободе!..

Скончался С.С. Бехтеев 4 мая 1954 года. Похоронен на русском кладбище в Ницце. На могильной плите сделана надпись: «Сергей Сергеевич Бехтеев. Лицеист 59 выпуска Имп. Александровского лицея. Царский поэт. Офицер Белой Армии».

До сих пор в России мало кому известно творчество и даже имя необыкновенно талантливого автора, обладавшего на редкость проникновенным поэтическим даром – Ивана Савина. Россия, наверное, единственная в мире страна, которая всё ещё не собрала воедино и не удостоила заслуженной памяти своих гениальных певцов, запечатлевших в слове её ни с чем не сравнимую судьбу.

При жизни его называли белым витязем, поэтом белой мечты... К.В. Деникина писала в нью-йоркской газете «Новое русское слово» в 1957 году: «Савин, одноклассник Лермонтова, скончался на 28-м году жизни... Его не знают широко. Жестокая судьба послала его в русскую жизнь в самые роковые годы лихолетья, в красную завируху, которая снесла все устои нашей культуры; и надо сказать, что на его долю выпали все муки».

Широко его не знают в России до сих пор.

Поэт Иван Иванович Савин родился 29 августа (по ст. стилю) 1899 года в Одессе. Детство и юность провёл в маленьком уездном городе Зеньково Полтавской губернии. В 19-летнем возрасте ушёл добровольцем в Белую армию, поступив в эскадрон белгородских улан Сводного пока генерала Каледина. А после гибели А.М. Каледина и Л.Г. Корнилова воевал в армии Деникина. В огне Гражданской погибли четыре его брата и две сестры. Перед эвакуацией белых из Крыма он заболел тифом и, не успев эвакуироваться, попал в плен к красным. Пройдя ад пересыльных тюрем ЧК, оказался в Петрограде, где жил его отец Иван Саволайнен, финн по национальности. С помощью отца в 1922 году ему удалось освободиться из тюрьмы и вырваться в Финляндию, в г. Гельсингфорс (нынешний Хельсинки).

Здесь, в Финляндии, раскрылся яркий, самобытный талант поэта, прозаика и публициста Ивана Савина, произведения которого невозможно читать без искреннего сочувствия и душевного волнения. Работая грузчиком в порту и чернорабочим на заводе, он в свободное от работы время писал обжигающие своей правдивой остротой стихи и прозу, основанные на воспоминаниях о дорогой сердцу России и пережитой личной трагедии. Там, в эмиграции, возник потрясающий поэт Белой идеи, которому было всего двадцать с лишним лет.

Кто украл мою молодость, даже
Не оставил следов у дверей.
Я рассказывал Богу о краже,
Я рассказывал людям о ней.

Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон и острог.

И хожу я по чёрному снегу,
Никогда не бывав молодым.
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.

Стихи, рассказы и статьи Ивана Савина публиковались в русских изданиях Финляндии, Латвии, Эстонии, Берлина и Парижа. Судьбой Ивану Савину было отпущено пять лет творческой жизни. Но за эти годы им были созданы поистине поэтические шедевры, о которых остались восторженные отзывы современников поэта. В 1926 году в Белграде тиражом 200 экземпляров вышел его единственный прижизненный сборник стихов «Ладонка», в предисловии к которому профессор В.Х. Даватс писал об этих стихах: «... в них нет ни патриотического шума, ни сентиментальной слащавости. И главное – в них нет нигде *стихотворной прозы*. Словами, которые падают в душу огненными каплями, выражает он *внеполитическую* природу белых борцов». А через тридцать лет Глеб Струве в работе «Русская литература в изгнании» так отзывался о первом издании «Ладонки»: «Религиозность, любовь к России и вера в неё, и верность «белой мечте», звучавшие как основные мотивы в этой скромной книжечке, стяжали Савину популярность в кругах, всё ещё преданных Белой идее. Но в стихах Савина не было ничего надуманно-тенденциозного, никакой пропаганды. У него был свой, приглушённый, но подлинно-поэтический голос» (Нью-Йорк, 1956 г.).

Летом 1927 года Иван Савин скончался от заражения крови после неудачной операции аппендицита, когда ему ещё не было 28-ми. По свидетельству его жены, перед смертью, после нескольких недель мучений, он записал слабеющей рукой последние строки: «Произведенный смертью в подпоручики // Лейб-гвардии Господнего полка». Похоронен на русском кладбище в Хельсинки.

И.А. Бунин, откликнувшись на смерть Ивана Савина, написал в парижской газете «Возрождение»: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе; во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строфы – особенно».

Такие строфы присутствуют, по сути, в каждом стихотворении Ивана Савина:

Никакие метели не в силах
Опрокинуть трехцветных лампад,
Что зажег я на дальних могилах,
Совершая прощальный обряд.
Не заставят бичи никакие,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
В пытках вражьих сгорела дотла.

Поэт Милостью Божьей, Иван Савин – наше культурное достояние. Остается верить, что его творчество, являющее пример высокого таланта и верности России, будет, наконец востребовано мыслящим русским обществом.

«Что имеем – не храним...», – справедливо сказано о российской всевозможной расточительности. Вот и эта русская поэтесса до недавнего времени была совершенно забыта и незнаема в России. Хотя в 20—30 годы прошлого века она считалась самой любимой поэтессой у эмигрантов Харбина. На её могиле, находящейся в Чили, – эпитафия из её же стихов:

Смертны и ты, и я.
Сомкнём усталые веки.
Но Россия жива моя —
И теперь, и потом, и навеки.

Её литературное имя – Марианна Колосова. Вряд ли она сама в конце жизни надеялась вернуться своими стихами на Родину. Однако, как известно, пути Господни неисповедимы. Открытие нами её замечательного творчества – яркий, свершившийся факт.

Главная черта поэзии Марианны Колосовой удивительное своеобразие, непохожесть на всё то, что было в русском (и прежде всего женском) стихотворчестве до неё. Обладая глубокой природной талантливостью и культурой, она сумела соединить в своих стихах страсть, мужество, пронизательный ум и женскую неповторимую нежность. Не случайно эти её строки стали крылатыми у белогвардейцев Сибири:

Пристальнее в душу посмотрите-ка:
Отдаёт свою по капле кровь...
Самая мудрейшая политика —
Искренняя к Родине любовь!

Не приняв ложь и безнравственность большевистской власти, пережив в молодости всю жестокость Гражданской войны, Марианна Колосова посвятила свою жизнь борьбе с поработителями России. Вся её поэзия излучает страстную веру в высшую справедливость и надежду на воссоздание погубленной Родины:

Россия? Ты ещё жива?
В цвету черёмуховом ты ли?..
Зимой, наверно, на дрова
Мою черёмуху срубили...

Неправда! Ты не умерла,
Хоть и подрублена под корень,
С душой Двуглавого Орла,
Который грозам непокорен!

Ты – вся в огне и вся в цвету,
И ты ни в чём не виновата.
Лелеешь новую мечту —
И громового ждёшь раската.

Марианна Колосова (Римма Ивановна Виноградова, в замужестве Покровская) родилась 19 мая (по ст. стилю) 1903 года на Алтае. Происходила из древнего и крепкого рода кубанских казаков. Её отцом был священник, убитый воинствующими безбожниками, а её жених, белогвардейский офицер, был расстрелян чуть ли не на её глазах. До Гражданской войны жила в Барнауле.

Весь 1919 год и начало 1920-го Марианна Колосова провела в районе Семиречья – последнем оплоте белых сил на юго-восточном направлении. Эту территорию удерживали остатки 2-го Степного сибирского корпуса под командованием генерал-майора Анненкова. После разгрома белых она навсегда покинула Россию, перебравшись вместе с анненковцами в Китай, сначала в Джунгарию, а затем в Харбин.

Там, в китайском Харбине, её стихи стали публиковаться в русском журнале «Рубеж», а в 1929 году вышел первый её сборник «Армия песен». В дальнейшем в Харбине увидели свет её книги стихов «Господи, спаси Россию!», «Не покорюсь!», «На звон мечей». Творчество Марианны Колосовой высоко ценили русские поэты Харбина – А.Несмелов, А.Ачаир, В.Перелешин и многие другие. Современники называли её «бардом Белой армии» и харбинской Мариной Цветаевой.

После оккупации Харбина японцами она в 1934 г. вместе с мужем, бывшим офицером Белой армии А.Н. Покровским перебралась в Шанхай, где её стихи увидели свет в журнале «Парус» и где вышли две её последние книги: «На боевом посту» и «Медный гул». В 1949 году Китай стал коммунистическим, и семья Покровских уехала сначала на Филиппины, затем в Бразилию. В конце 50-х они окончательно осели в Чили. Скончалась Марианна Колосова 6 октября 1964 года. Похоронена в Пуэнте-Альто, пригороде Сантьяго. На табличке, прикрепленной к могильному кресту, имеется надпись: «Русская национальная поэтесса».

Время всё расставляет по своим местам. Шелуха отпадает и превращается в прах. Но живое слово, за которым стоят честь и достоинство, как зелёная ветвь, пробивается сквозь любые нагромождения лжи и клеветы. Поэты Белой гвардии возвращаются на Родину своим блистательным творчеством. Они возвращаются к нам на века и уже никогда не уйдут из наших сердец.

